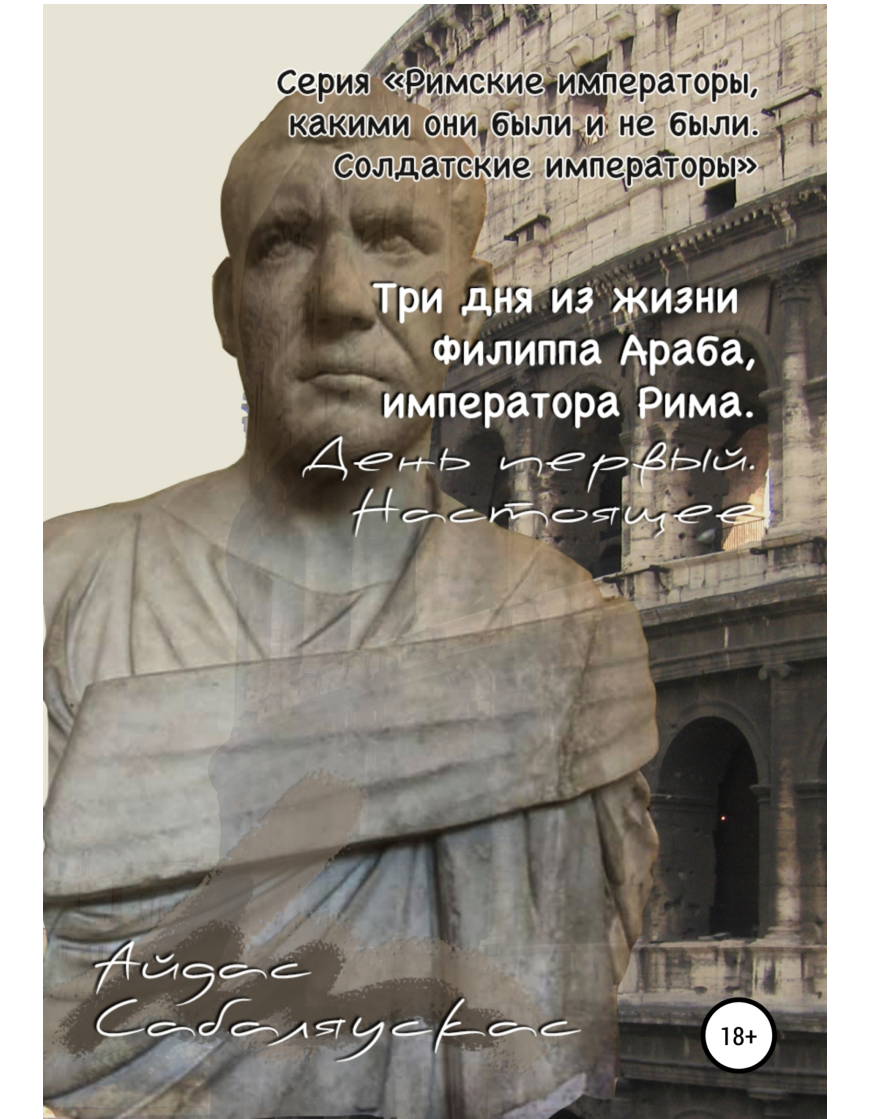

Серия «Римские императоры,
какими они были и не были.
Солдатские императоры»

Три дня из жизни
филиппа Араба,
императора Рима.
День первый.
Настоящее

Айгас
Сабаляускас

18+

Айдас Сабалаяускас

Три дня из жизни Филиппа

Араба, императора Рима.

День первый. Настоящее

**Серия «Римские императоры,
какими они были и какими не были.
Солдатские императоры», книга 1**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54166011

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96324-5

Аннотация

Этой книгой автор открывает серию произведений «Римские императоры, какими они были и не были. Солдатские императоры». Книга для тех, кто не только обожает копаться в анналах и на скрижалях истории Древнего Рима, но и для тех, кто любит рассматривать историю дней вчерашних как аналогию дней сегодняшних (и наоборот).

Содержание

Рим у его ног	7
Император мечтает	12
Это триумф, или Император – иноплеменник?	15
Араб или... просто голый? Король или император?	22
Приглашение на казнь	31
В курию! К сенаторам! По делу! Срочно!	37
Сенатские хитросплетения	42
Правящий класс тоже у ног Филиппа Араба	47
Чьи заслуги «заслужистее»?	52
Где же все императорские инсигнации?	57
Мечты, мечты... где ваша сладость?	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Айдас Сабалаяускас

Три дня из жизни Филиппа Араба, императора Рима. День первый. Настоящее

Планировал написать о римском императоре Марке Юлии Филиппе в жанре небольшой новеллы, однако «новелла» разрослась сначала до трёх, а затем и до четырёх связанных меж собой, но при этом самостоятельных романов. Тому, что в итоге получилось, на мой взгляд, очень соответствуют стихи жившего в первой половине VIII века японца Ямабэ Акахито (в разных переводах), придворного поэта императора страны восходящего солнца Сёму. Творец писал в том числе в стихотворной форме «танка» («короткая песня»).

А поскольку имеющегося на русском материала от Ямабэ Акахито на «всё-про всё» не хватило (не осилил сию ношу, не потянул!), то поначалу я присмотрел ещё одного японца, который и сам творил, и поэзию других собирал: Отомо Якамоти (тут переводчик единственный – А.Глускина). Типа: и сам жил, и другим жить давал.

Если первые три книги (части) вытянули на своём горбу двое японских стихотворца, то для последней их сил уже не хватило. Потому и пришлось привлечь третьего, но не лишнего – Отомо Табито (в разных переводах).

Скажите, эклектика: лебедь, рак да щука? Типа совпадение? Не думаю! *Во-первых, это красиво.* Дальше можно было бы и не продолжать, однако *мы не призывали отступить*, потому продолжу. Во-вторых, Бог любит троицу. А в-третьих, Отомо Табито не абы кто, а отец Отомо Якамоти – куда иголка, туда нитка, нельзя их разлучать.

Втроём ребята и потянули, и всю ношу целиком осилили, но не как лошадка, поднимающаяся медленно в гору и везущая хворосту воз, а как птица-тройка, мимо которой летит всё, что ни есть на земле.

...Соблюдая правила хорошего тона, также хотелось бы передать приветы и высказать признательность всем друзьям, а также непричастным за неоценимую помощь, оказанную в подготовке рукописи данной книги: Геродоту, Гераклиту, Гомеру, Павсанию, Апулею, Еврипиду, Овидию, Плутарху, Цицерону, Ливию Андронику, Ювеналу, Флавию Вописку Сиракузянину, Гаю Азинию Квадрату, Юлию Капитолину, Сексту Аврелию Виктору, Флавию Евтропию, Стефану Византийскому, Зосиму, Зонаре, Никострату

Трапезундскому, Феликсу Якоби, Дмитрию Брауну...

Впрочем, стоп! Всех перечислять здесь не буду, а то на роман места не останется, отошлю к ранее опубликованным частям книги о другом римском императоре – о Галерии. Там все великие мира сего за *личные заслуги и консультации* мне (во сне и наяву) поименованы и отблагодарены.

Рим у его ног

*«Пышной вишни цветы,
При расцвете которых
Я любил тебя, друг мой,
Прошедшей весной,
Верно, это тебя здесь приветствуют ныне!...»*

Ямабэ Акахито

Солнце было совершенно красно, как чистая кровь. События падали, как камни, прыгали в глазах, то расширяясь, то суживаясь. Мужчина восточного вида зажмурился и потряс головой. Затем осторожно открыл глаза. Прыжки прекратились, а солнце стало огненно-жёлтым с белой короной.

Преторианцы, легионеры и просто зеваки, рассыпавшиеся кто в одиночку, кто гроздьями по крепостным стенам города, смотрели, как из-за горизонта одна за другой сначала выныривали морды лошадей, а потом и восседающие в седлах фигуры то ли катафрактариев, то ли клибанариев. А затем снова всадники, всадники, всадники. И пешие, пешие, пешие. И повозки, повозки, повозки.

Окрестные пространства огласились лязгом, ржанием и прочим шумом передвигающегося войска. Всё кричало, орало, вопило, и-го-гокало, брэнчало и дребезжало.

...В самом конце лета 244 года нашей эры Марк Юлий Филипп, ещё недавно носитель державного звания «префект претория», а ныне фактический владыка громадной раскинувшейся в Европе, Азии и Африке империи, въехал сначала в пределы Итальянского полуострова, а затем и в Рим, столицу мира, приветствуемый экзальтированной толпой свободных, *не совсем и совсем не* таковых граждан:

– Да здравствует император! Ave Caesar! Ave Augustus!

Индивидуальное в стародавние времена прозвище-когномен «Caesar», уже даже к моменту рождения Юлия Цезаря ставшее прозвищем целой патрицианской семьи, к настоящему времени (когда на арену истории вышел Филипп) превратилось в императорский титул. Почётное имя «Augustus» («Божественный»), дарованное когда-то сенатом Октавиану, к сегодняшнему дню тоже стало не просто эпитетом, а высшим титулом римских владык. Потому толпа в своих стадных инстинктивных воплях нисколько не смущалась громкоголосого льстить:

– Да здравствует император! Ave Caesar! Ave Augustus!

Публике вообще было не привыкать ни к экзальтации, ни к приветствиям: с тех пор, как девять лет назад легионерами вместе с его матерью был без какой-либо жалости отправлен на тот свет последний император из династии Северов Александр, против своей воли друг за дружкой или вообще одновременно ушла из жизни ещё пятёрка римских государей – и это если не считать мятежника-узурпатора Сабиниана и за-

конного императора Гордиана III-предшественника Филиппа. Четверых из пятёрки вооружённая и разнузданная *полевая* солдатня (в одних случаях) или *паркетные* преторианцы (в иных) зарезали, словно баранов, а пятый, не пожелав себе участи жертвенного животного и почуяв приближение киллеров, *самоубился* – повесился на первом же попавшемся под руку шерстяном поясе от чужой туники.

Каждого ушедшего к праотцам властителя публика порицала и хулила. Всякого вновь приблизившегося к трону, а тем паче на него взобравшегося, усевшегося и свесившего оттуда ноги, толпа славил *во всю Ивановскую*, ибо любой новоиспечённый император поначалу кормил, развлекал, а зачастую и поил задарма (пусть и вином-кислятиной).

В сердце имперской столицы Марк Юлий Филипп внед-рялся со стороны Квиринала, самого высокого из семи римских холмов – через легендарные северные Коллинские ворота Сервиевой стены. Так сам пожелал, прослышав однажды об одном древнем и уникальном девичьем феномене.

Сидя верхом на коне, император с неподдельным интересом вертел вокруг себя головой, пытаясь самостоятельно распознать, в каком же конкретно месте находилось тут прежде то самое *Campus Sceleratus* (Злодейское поле, Кладбище для преступниц), где много веков подряд заживо замуровывали в землю монахинь-весталок, в глубоком девчоночьем детстве давших клятву целомудренно служить Боги-

не Весте, но, повзрослев, нарушивших обет и осквернивших своё тело и *междуножье* бесстыжим соитием с мужчинами.

«Может, и мне весталку помоложе охмурить и вторым браком взять в жёны, как это сделал задолго до меня император Гелиогабал? Пусть только попробует своему повелителю отказать! Да и не откажет она – сама мне на шею вешаться станет, только чтобы её не повесили! С такой супругой я в один присест приближусь к Богам! К самому Олимпу! На его вершину воссяду!» – подумал Филипп, но вскоре забыл об этом: сразу, как только Коллинские ворота оказались за спиной. С глаз долой – из сердца вон! Впечатлений от сегодняшнего дня было такое множество, что мужчина не успел вспомнить даже о сабинянах, которые по легенде являлись первыми известными жителями этого холма и поклонялись Богу войны Квирину (в честь которого к холму и приклеился топоним «Квиринал»).

В Риме его новый хозяин оказался впервые. Впрочем, если и бывал тут прежде, в младенчестве или в мальцовстве, то давно об этом факте запомнил – словно из извилин Филиппового мозга кто-то скальпелем важный кусочек его серого вещества аккуратно вырезал, а крохотную ранку залил расплавленным воском, *ошкурив мелкой наждачкой*, зачистил и отполировал...

Императора сопровождала конная когорта осанистых и атлетически сложенных телохранителей с хмурыми и, судя

по всему, восточными лицами, но с кривыми дугой ногами, словно они с самого малолетства даже по ночам с коня не слезали, а так и спали в седле.

«Мавры! Сарацины! Арабы! Головорезы!» – подумала римская чернь.

Однако рядом с Филиппом гарцевали не только смуглолицые южане, но и большая придворная свита европейцев, преимущественно эллинов: всезнающая плеяда советников, советников-наушников и просто наушников, мечтающих о высоком статусе – выбиться в чистые советники.

Император мечтает

«Я у дома

Посеял, взрастил карааи, —

И увяли её лепестки...

Но не будет мне это уроком сейчас,

Я посею опять карааи!..»

Ямабэ Акахито

Ещё едва-едва приблизившись к столице империи, Филипп для себя уже решил, что въедет не просто в Рим, а в Вечный град. Мысленно постановил, что именно на этой маркетинговой фишке он выстроит своё великое царствование, которое навечно впишется и в анналы, и на скрижали истории – о нём сложат легенды, мифы, былины, баллады и песни и даже, изобразив складные сюжеты пластичными движениями тела, спляшут (но не на Филипповой могиле). Убедил себя, что, единожды ослеплённые великолепием этой придуманной лично им *блескучей обёртки*, римляне до конца его правления не посмеют упрекнуть Филиппа в том, что он – «как все»: что, как и его предшественники, взошёл на трон в результате очередного дворцово-военного переворота, умертвив предыдущего императора-принцепса. Римляне непременно проникнутся его искренностью, *умеренностью, аккуратностью* и правдой-маткой, поверят в то,

что Филипп – особенный, единственный и неповторимый в своём роде, что никого не свергал и что в тёмной *нощи, аки тать*, не душегубствовал!

III век нашей эры давно уже был таким периодом развития государства, когда топоним Рим приобрёл своё второе значение и звучание: стал не только городом, пусть и великим, но и названием громадной державы.

«Империя моя велика, она опоясывает Средиземное море, ставшее внутренним озером Рима. Mare Internum! Наше ромейское море! Mare Nostrum! Эх, так и хочется внести новацию: a mari usque ad mare, od morza do morza – от моря до моря! Intermarium! Междуморье! Империя моя велика, а порядка в ней нет! Будет порядок! Я его наведу и кнутом, и пряником! У меня и воля, и хватка – железные! Стальные! А сталь – дамаская! Я всех выстрою и сам выстою! Вся надежда всех патриотичных римлян отныне только на меня! Они давно ждали такого императора!» – густая муть из обрывков чужих, хотя и не чуждых ему, мыслей вдруг всплыла на поверхность головного мозга Филиппа, оплела извилины и серое вещество в них, полностью застив разум мужчины.

Впрочем, ненадолго.

– Риму грядёт тысяча лет! Мы отметим это историческое событие так, что весь мир восхитится, а народы содрогнутся! Как вспомнят, так и вздрогнут! У варваров затрясутся поджилки, и они рухнут пред Римом... на колени, пораскрывав от изумления свои гнилозубые рты. А мы им – по мордасям,

по мордасям, по мордасям! По челюстям, по челюстям, по челюстям! Справа и слева... *синее небо*! Все зубы повыби-ваем, чтоб не кусались! Пусть дёснами шамкают! Пройдёт почти две тысячи лет, прежде чем на краю северо-восточной земли кто-то осмелился встать с колен! Но, даже поднявшись, и через десять тысяч лет никто не забудет наш праздник и наши мощь и величие! Да здравствует Вечный град и великая нация – римляне! – словно рекламой предваряя грядущее событие и переключаясь на свою волну, прокричал Филипп в толпу загодя заученное, используя *народную* латынь.

Десятки и сотни глашатаев, прибывших вместе с императором с азиатского Востока, эхом разнесли эту весть по всему Риму: уже не в *вульгарном* её варианте, а на чистой, не замутнённой варваризмами державной мове.

Толпа любит величие и пафос, которые предваряют материальный стимул, посему и сейчас вовсю ликовала...

Это триумф, или Император – иноплеменник?

«Вот и бухта Акаси!

Отхлынул прилив на дороге,

Завтра, завтра

Наполнится радостью сердце:

Я всё ближе и ближе к родимому дому!...»

Ямабэ Акахито

Солнце, посылая императору-принцепсу один воздушный поцелуй за другим и вдобавок к этому лучи добра (плюс света и тепла), внезапно золотой диадемой опустилось на его голову. Особо впечатлительным, однако, показалось, что это не дневное светило и не корона, а подлинный небесный нимб. Филипп – помазанник Бога: конечно же, Юпитера.

– Да здравствует император! Ave Caesar! Ave Augustus! – раскатистым грозovým громом, а следом и эхом, как в горах, снова огласился город и его окрестности. Где-то в вышинах даже пару-тройку раз для вящей убедительности *сверкнуло*: то ли молнией, то ли прямо посреди дня – огненными багряными зарницами.

Что это? У императора широко распахнулись глаза и расширились зрачки. В спешке, словно опаздывая на любовное

свидание или, напротив, торопясь жить, распускались цветки смоковниц: сотни и тысячи крохотных зелёных шариков с отверстиями на маковках – их обычное время цветения было в апреле-мае, но точно никак не в конце августа.

«Боги ниспослали мне приветствие! Пометили... эээ... отметили меня», – проникся император знаком свыше: знал, как толковать Божественное.

Будто бы вторя или подражая смоковницам, вспыхнули собственным цветом и оливы.

Филипп Араб зажмурил глаза: *«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»*

Но стоило ему опять приподнять веки, как буйство весенних красок прекратилось – словно ничего не было.

Неужели почудилось? Не сходит ли он с ума?

«Клянусь смоковницей и оливой, они цвели, как весной!» – занервничал мужчина, заёрзав в седле и отрываясь своими пятками на жеребцовых боках.

Прищурился – без толку: не было цветения.

Ещё раз – тот же отрицательный результат. Хоть всю растительность в округе уничтожь!

Римский народ, как будто намекая на скорейшую сытную обильную пищу и зрелищное развлекательное шоу, никак не унимался:

– Да здравствует император! Ave Caesar! Ave Augustus!

«Я на поле боя добыл диадему и пурпурный плащ. Легионы императором меня уже провозгласили. Теперь надо пону-

дить к этому римский сенат. Вернее, *тихим добрым словом* убедить его членов в неизбежности произошедшего. Пряником! Впрочем, коли не убедятся, то, чего уж лукавить, и понудить. Кнутом! Бичом! Поркой! *Упали – отжались!* А если не понудятся, то и повыгонять. Проветрить и почистить сей орган от затхлости, плесени, пыли, грязи и скверны... языческой! Разжалую упрямцев... эээ... да хоть в рядовые легионеры, как это делаю со своими нерадивыми офицерами... Да, собственно говоря, и куда эти родовитые мажоры-бездельники денутся?! Стоит мне явить им себя, *возлюбят меня, как миленькие*. У меня авторитет! И харизма – ого-го какая! Кроме всего прочего, я же им всем только добра желаю! А от добра добра не ищут! *Per aspera ad astra!* Через тернии к звёздам! *Sic itur ad astra!* Таков к путь звёздам! Тернист, извилист и неказист...»

Будучи уроженцем провинции Аравия и обладая о внутренней жизни Рима и его верхушки лишь теоретическими познаниями, напивавшись сплетнями и слухами из уст советников, советников-наушников, просто наушников и *наперсников разврата*, в своих мыслях Филипп явно приукрашивал и переоценивал родовитость и мажористость нынешней плеяды сенаторского сословия. Даже коренные римляне в ...*дцатом* поколении стали как допотопный воспринимать тот период истории, когда один из сенаторов заявил: «*Нога неиталийского варвара переступит порог римского Сената только через мой труп!*» Пришлось ли первому сенатору-эт-

ническому неофиту перешагнуть чьё-либо мёртвое туловище, осталось вне скрижалей и вне анналов истории – за её рамками. Однако сейчас бывших варваров и их потомков в сенате было достаточно.

Сенат, в стародавние времена действительно патрицианский (чуть позже – нобилитетский) и действовавший прежде как закрытый элитарный клуб, каждое новое столетие уже даже в свой республиканский период неоднократно разбавлялся пришельцами: провинциалами из италийских муниципиев и новыми гражданами из числа романизированных граждан – особо в карьерном смысле активничали *лохматые галлы* и испанцы разных этнических групп. С момента реформ Юлия Цезаря и Октавиана Августа в сенат опять *вплеснулись* десятки крупных прибоев и мелких волн: не только самих италиков, но и выходцев с Запада, Севера и Востока империи. Вон откуда *чужие воды добывали!*

Вот, к примеру, династия императоров Флавиев быстро полюбила назначать сенаторами провинциальных выскочек, безродных (с точки зрения консервативного Рима), но порой сказочно богатых *лимитчиков* – через них легче было как манипулировать древним державным институтом, так и управлять захваченными территориями. Род Антонинов от Флавиев не отставал: уже к концу правления этой династии уроженцы варварских ранее регионов составляли больше половины от числа всех римских сенаторов. Причём, росла в

основном доля тех, кто прибыл с восточных провинций: не только из культурной Эллады или с воинственной Македонии, но и из азиатской Сирии и африканского Египта. Пятидесяти лет не прошло, как романизированные выходцы «откуда попало» стали преобладать даже над сенаторами-италиками (не говоря уж о коренных римлянах-горожанах). Лишь уроженцев Аравийского полуострова в сенат до сих пор не просачивалось. Ни единого!

«А надо бы! – подумал Филипп. – Пробил час! Пора искоренить дискриминацию! Для начала – араб-император, а потом и все сенаторы маврами заделаются! Сами попросятся в моё семя... эээ... племя! По доброй воле сменят этническую окраску. Не ориентацию же!»

...Полуденное римское солнце продолжало имитировать яркий свет, а во всём римском мире – бесноваться август: новый властитель Рима шурился и иногда, словно козырьком, прикрывал ладонью глаза. Они сейчас слезились, как у *умудрённого возрастом* старца, утомлённого пройденным жизненным путём. Однако император был не дедом, а *мужчиной хоть куда и в полном расцвете лет*. Ну, в крайнем случае если это и была старость, то она оказалась изобильными процентами на щедрые вклады, сделанные в детстве и юности.

На улицах шастало множество котов и кошек разных расцветок: и в одиночку, и по парам, и группами. Но, словно

почувствовав значимость момента, они юркали сейчас в стороны или, вовремя не сообразив ускользнуть, напыженные и фырчащие жались к стенам римских домов.

«Сами по себе гуляют! – зачем-то подумал Филипп, взглянув со своего седла, словно свысока, на размазывающиеся по стенам шёрстки и на разлетающиеся в проулки и закоулки хвосты. И домыслил: – Все кошки и коты отчасти являются жидкостью и способны затечь куда угодно».

Внезапно из перпендикулярного переулка метнулось, испугавшись чего-то (явно не Араба со спутниками), чёрное мяукало: перебежало дорогу прямо перед жеребцом императора.

Конь не обратил на мелкое животное никакого внимания, продолжив свой путь в прежнем ритме, а Филипп, не успевший затормозить и остановить жеребца, занервничал, готовый искостерить котяру такими словами, которые не найдёшь ни в одном римском словаре классической латыни.

– Не страшитесь, мой государь! – подсуетился успокоить своего повелителя один из оказавшихся рядом императорских наушников. – У нас, римлян, нет такой суеверной приметы!

– Какой «такой»?

– Как у варваров!

– Ааа, ну, варвары всякое могут себе удумать... – пробурчал Филипп, но тут же вернулся к мысли о мяукалах, особенно чёрных, подобных безлунным ночам. – И чего этим

мохнатым тварям дома не сидится?

– У римских котов и кошек нет дома!

– Как так?

– Они не являются домашними животными! Коты и кошки – существа свободные! Они любят вольность и в Риме на каждом шагу. Им всё позволено. Такова наша традиция...

Араб или... просто голый? Король или император?

*«Там, где остров на взморье,
У берегов каменистых,
Поднялись над водою жемчужные травы морские...
И когда наступает прилив и от глаз их скрывает,
Как о них я тогда безутешно тоскую!...»*

Ямабэ Акахито

Конь внезапно остановился и заплясал на одном месте. Сам: никто его не шпынял, не подначивал, не пугал, а император узду, рвущую в кровь губы и весь рот животного, к своему животу не подтягивал.

Выпрямив спину, выпятив грудь колесом и привстав на стременах, Филипп Араб изобразил императорское величие и теперь резко побеспокоил жеребца: ткнул пятками в его бока. Вперёд! Но арабский скакун то ли изменил, то ли проявил норов и уже стоял (на своём), как вкопанный, словно чего-то ждал. Какого-то знака или сигнала. Человечьего или Божественного участия. Вещий конь?

Вдруг кто-то, кажется, маленький мальчик, воскликнул:
— А король-то голый!

Император чуть не задохнулся. То ли от животной ярости

из-за наглости неблагодарного ребёнка, то ли от дикого внутреннего хохота, то ли просто от нехватки кислорода в воздухе. Горбатая спинка носа да и весь выступающий профиль южанина очертились ещё чётче, резче, ярче и выпуклее: это увидели все, даже те, кто прежде не римских черт государева лица не замечал. Даже те, кому всё это было *глубоко безразницы, по барабану, до фонаря или до лампочки*. Филипп успел подумать: «Когда придворный скульптор придёт ваять мой бюст, надо не забыть подсказать ему, чтобы мой нос в граните или мраморе не обратился крючком для ловли мелкой рыбёшки! Одно из двух: или нос прямой, или рыба крупная! Так или сяк! Либо то, либо другое! Однозначность! Никаких парадоксов, неуловимостей мутностей и смутностей или *сидения на двух стульях*!.. Только трон! Я император, а потому не должен сидеть даже на скамейках!»

Мерин под седоком вдруг встал на дыбы, потом на все четыре копыта и... тронулся, но не умом, а шагом: его опять никто не шпынял, не подначивал и не пугал.

Из толпы прозвучал то ли повтор, то ли напоминание:

– А король-то голый! И никуда от этого факта не деться! Голый! Голый! Голый!

В гробовой тишине теперь уже кто-то явно повзрослей грубоватым... тенором поправил запальчивого и несмышлёного мальчика:

– Короли бывают только у северных варваров... у германцев... Наш владыка не такой! Он чтит традиции! Он истый

ромей! *Хлеба и зрелищ!!!*

– Хлеба и зрелищ!!! – поддержали тенора толщи римского плебса, залегшие пласты самого *глубинного народа*.

Филипп словно впал в ступор, в прострацию, растерялся и, будучи в шоке, не отреагировал то ли на тонкий намёк, то ли на толстую обстоятельную подсказку, то ли на прямой призыв к нему прислушаться и услышать базовые народные чаяния.

– Император – араб! – опять воскликнул кто-то, кто, конечно же, был тем самым *маленьким мальчиком*. Или некто своими *истиной* и *глаголом* маскировался под *уста* и голос *ребёнка* и *жёг сердца людей*.

В одно мгновенье в державе назрел римский *бунт*, *бесмысленный* и *беспоощадный*. Толпа – она ведь непредсказуемая стихия и извечно *готова вырывать корни зла уже только потому, что они питательные и сладкие*.

Император поднял руку вверх.

Галдёж людских масс стих.

– Даже у самого плохого дитя всегда можно найти что-то хорошее, если его отыскать и тщательно обыскать. И в первую очередь – его родителей! Предки за потомка ответственные – плохо воспитывали! Это совсем не тот случай, когда *сын – за отца..!* – собирая в кулак всю свою арабскую храбрость и волю, повелел римский владыка, хотя в его голове *заводопадали* и *захороводили, как стайки ласточек*

над домом, шальные мысли: «Неужели же это всё? Неужели мне пришёл конец? *Так вот где таилась гибель моя* – мне смертью малец угрожает! А ведь у меня было *планов громадья*! Целое Средиземное море! Эх! Ни перед сенатом выступить не успел, ни диадему поносить, ни скипетр в руке подержать, ни на троне в курии Юлия посидеть!»

Возмутителя спокойствия не нашли – иголкой в стоге сена оказался малец. Да и был ли вообще тот мальчик? Поскольку наглость цвета детской неожиданности больше не повторялась, императору доложили, что заговор раскрыт, все мятежники *числом превеликим* схвачены и наказаны будут не обыском, но распятием на крестах, как это бывало в старые добрые времена: при Нероне, Домициане и Траяне. Или же во времена не столь давние и с высоты дня сегодняшнего хорошо обозримые: при Септимии Севере.

– Panem et circenses! Хлеба и зрелищ!!! – уже более слаженно, настойчиво и грозно потребовал римский глубинный люд, помнивший Ювенала, автора этих бессмертных строк, поэт ведь в Риме *больше, чем поэт*: всегда так было, есть и будет!

Римская нация, словно чёрной тучей, надвинулась, сплотившись, на новую, если не укрепившуюся на своём Олимпе, вертикаль власти.

До императора, наконец-то, дошло: он вспомнил, что где-то *далёко на озере Чад изысканный бродит жираф*.

«Я вовсе не длинношеее животное! Для начала откуплюсь

от черни дармовой жратвой, раз она привыкла к халве... эээ... к халяве и клянчит-попрошайничает! Ах, да — традиция, которую надо чтить!» — подумал Филипп Араб и тут же, *не отходя от кассы*, отдал недвусмысленный приказ изъять из державных и частных закромов не только чёрный хлеб самого *низшего пошиба* (panis plebeius), как раз и предназначенный для бесплатной раздачи римской бедноте и голытьбе, и даже не только абы какой белый хлеб второго и третьего сортов (panis secundarius), но и белый высшего качества (panis candidus) — тот самый, которым питались избалованные и изнеженные римские верхи.

— Да-да! Всё отовсюду реквизировать и раздать моему народу! Выполнять! Не возражать! — повелел Филипп. — *Государство — это я*, а потому частникам и инвесторам, сейчас вкладывающим в социальные проекты, всё потом возмещу деньгами из державной казны, никого сестерцием не обижу. Не обделю... лишним сестерцием! Надеюсь, мои предшественники не успели *пустить* всю казну *на ветер* или *по миру*! Если не успели, то всем всё компенсирую!.. Я знаю, что при Юлии Цезаре в Риме было... эээ... много пекарен... ну, не столь много, сколь будет при мне... с сего момента и вовеки веков! Радуйтесь, люди, каждому дню... моего правления!

К императору на интеллектуальную подмогу тут же ринулся и к его уху прильнул штатный знаток-наушник.

— При Юлии Цезаре в Риме было двести тысяч пекарен! —

выслушав шепоток, ещё громче огласил римский властитель.

Уста наушника опять слились воедино с ушной раковиной римского государя, словно эти губы и ухо с детства были неразлучными друзьями.

Император внимательно выслушал знатока и шлёпнул его по губам: мол, чересчур-то не зарывайся, парень, не заговаривайся и государево ухо без нужды не терзай, а тем паче не кусай!

– Двести пятьдесят пекарен! То бишь к двум сотням надо прибавить пять десятков, но без тысяч! – поправился Филипп и, выдержав паузу, как ни в чём не бывало продолжил: – Слушайте меня, свободные граждане Рима! Слушайте и не говорите, что не слышали! При моём благословенном правлении выпекать хлеб в столице будет пятьсот пекарен... или пятьсот тысяч! Статистика сроду не лгала: ни в один из веков. Так было, так есть и так будет!

Десятки и сотни глашатаев, прибывших вместе с императором с азиатского Востока, эхом разнесли эту весть по всему Риму: уже никто не разобрал, да и значения не имело, на вульгаризированной ли латыни или на чистой державной мове.

– Мой народ! Я также ведаю, что при Юлии Цезаре бесплатный хлеб в Риме никогда не лежал в мышеловках, ибо это не сыр. Хлеб прямо со складов отгружали... эээ... получали... эээ... – император будто замялся, а может, в очередной раз выдерживал паузу, чтобы его последующие сло-

ва прозвучали *весомей, грубей и зримей* и произвели эффект разорвавшегося греческого огня.

К государеву уху тут же услужливо склонился знаток-наушник, теперь много о себе возомнивший и *завитававший* в облаках: представлял, какая стремительная и блестящая карьера эффективного державного менеджера ожидает его, начиная прямо с завтрашнего утра.

– При Юлии Цезаре бесплатный хлеб получали триста тысяч граждан Рима, – прогремогласил Филипп Араб, дослушав шепотливый бубнёж.

Всплеснув руками, скривившись и изобразив недовольную гримасу, уха римского владыки снова коснулся знаток-наушник. В этот раз именно коснулся, а хотелось если не оттяпать совсем, то укусить – и побольней.

– Триста двадцать тысяч! – поправился властитель после очередного шёпота, но шестым чувством прочухал, что если и дальше будет путаться в цифрах, фактах и показаниях, то граждане Рима засомневаются в его императорских компетенциях, а потому резко сменил тему: – А завтра... завтра... завтра устроим гладиаторские бои в Колизее! С морским боем и охотой людей на хищников. И наоборот: зверей на человек. Организуем поединки и мужчин, и женщин... эээ... они не друг с дружкой драться будут, а меж собой!

– В том смысле, что *масло масляное*? – невежливо полюбопытствовал кто-то из толпы.

– Каждый гладиатор и всякая гладиаторша будут рубить-

ся внутри своей весовой... эээ... гендерной категории, не выходя за границы приличий и дозволенного! А в дружеском союзе оба пола по одну сторону баррикад станут биться со львами и крокодилами!.. Бойцы потом годами и *долгими зимними вечерами* будут вспоминать *минувшие дни, где вместе рубились и бились они!* Праздник пройдёт на ура, с песнями и плясками... в честь меня. Делу – время; потехе – весь завтрашний день с утра до позднего вечера!

– Зрелищ!!! – взревела благодарная публика, не успев пока даже покормиться.

На голодный желудок взревела.

Император заставил себя улыбнуться, *дивясь простому здравомыслию и живой оригинальности простых неграмотных горожан.*

– Это ещё не всё! – перекрикивая толпу, внезапно возопил штатный знаток-наушник, с перекошенного лица которого так и не сползло недовольство. – Только я ведаю, что ещё хотел сказать наш величайший император! И я поделюсь с вами этим сокровенным и сакральным знанием! Император *назначил меня любимой женой...* эээ... император доверяет мне, как себе самому!

«То, что я желаю сказать, и произносить имею право лишь я сам! Только своими устами и языком! Даже если пересказанные мной знания будут чужими!» – недовольно поморщился владыка Рима, мысленно решив судьбу наушника, вернее, уже уготовав ему незавидную участь. И ещё точ-

нее, оставлял его в живых до поры до времени, намереваясь истребить при более верной okazji.

Приглашение на казнь

«Я не могу найти цветов расцветшей сливы,

Что другу показать хотела я:

Здесь выпал снег —

И я узнать не в силах,

Где сливы тут, где снега белизна?»

Ямабэ Акахито

Знаток-наушник, однако, фишку не словил и продолжил, словно главарь, горланить и горлопанить:

– До объявления зрелищ наш император хотел известить всех о следующем. Помимо испечённого хлеба всем римским жителям города, имеющим постоянную прописку, будет впрок роздана мука и немолотое зерно, кто какое пожелает: пшеница, ячмень, рожь, рис, греча, кукуруза, горох, просо. И даже овёс! А кому... эээ... просто силоса, пусть это и не зерно? Кто позарится? Никто? Тогда без силоса обойдёмся! По десять... нет, не по десять, а по двадцать мер злаковых и незлаковых! И дополнительно по десять... нет, не по десять, а по двадцать фунтов масла! Чтобы всего было в два раза больше, нежели это делалось при невинно убиенном императоре Юлии Цезаре.

«Это он на что намекает? Уж не на то ли, что современный Брут со мной тоже дважды вот-вот сотворит? Или, напро-

тив, что даже один раз никакой поножовщины не приключится?» – нервно отрефлексировал император, желая если и умножить, то не на два, а на ноль.

Наушник не унимался:

– Кроме того, под открытым небом на двадцать две тысячи столов будет дан грандиозный обед, фуршет и банкет в одном флаконе... Нет! Это у Цезаря было двадцать две тысячи столов, а у нашего уникального и щедрейшего императора будут все сорок четыре! Тысячи, разумеется, а не единицы. С фазанами, муреной, устрицами! С изысканными фалернским и хиосским винами...

«Надо бы запомнить марки вин. Зарубить их себе на носу!», – подумал Филипп Араб и, чтоб не забыть, несколько раз повторил их про себя: фалернское-хиосское, фадернское-хиосское, фалернское-хиосское. И в обратном порядке: хиосское-фалернское, хиосское-фалернское, хиосское-фалернское.

– А кто пожелает экзотики, тому поднесут даже импортную водку! – надрывался наушник. – Прямые поставки напитка из Гипербореи!

«Нет, этого я точно не запомню, потому даже пытаться не буду, а то и про фалернское-хиосское запомнят, – продолжил мыслить император. – За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь!»

– Во всех концах империи мы разовьём римскую деревообрабатывающую промышленность... эээ... мануфактуру! –

совсем раздухарился наушник. – А между столами будут сновать *тридцать пять тысяч одних курьеров!*

– Да здравствует император! Ave Caesar! Ave Augustus! – бесновался римский люд. Государю вдруг на миг показалось, что это не великий народ, а просто грязная чернь.

– Не только у Юлия Цезаря был свой триумф, но и у нашего Филиппа Араба... эээ... Филиппа Величайшего! – никак не мог охрипнуть или заставить себя замолчать наушник императора.

– Когда?!! – кричал в ответ народ. И в лад, и невпопад, и хором, и вразнобой.

Не только матроны *бросали в воздух свои чепчики*, но все, на чьих затылках таковые гордо восседали или были по-простецки нахлобучены. Оба пола и даже (втайне) третий, науке ещё не известный.

– Что «когда»? – не понял знаток-наушник, утонув в собственном вдохновении и в лучах славы.

– Когда будет дан обед, фуршет и банкет?! – донеслось из народных гущ.

– Ах, это... Обещанного три года ждут!!!

– Через три года будет уже другой император! – воскликнул всё тот же вовремя не словленный мальчик из толпы (не пойман – не вор).

– Наш Филипп и через три на своём месте будет. Править ему уготовано целых пять лет! – поправил неразумного мальчика грубоватый... тенор.

– По правде говоря, праздник желудка должен был случиться завтра, – публично признался наушник. – Но раз на завтра анонсированы уже Колизей, гладиаторы и звери, то я не могу ничего отменить. И прав переверстать программу у меня нет. Чтобы не рисковать, устроим всеримский сабантуй послезавтра!

«Вот наглец! – напрягся император. – Уже за меня решать начал! Не остановишь, так нараздаёт людям несбыточных обещаний, а я потом отвечай! Так однажды и пурпур мой на себя натянуть вздумает».

– Мы вместе с Филиппом Величайшим раздадим не только море еды и питья, но и денег! Юлий Цезарь выдал по двадцать четыре тысячи сестерциев только своим заслуженным ветеранам-легионерам. Мы же от щедрот своих каждой римской семье даруем по сорок восемь тысяч!.. И не только!.. – чуть не захлёбывался в собственной слюне оратор. – Будет и ещё! Всем и каждому! Всего и по многу! Не благодарите! Вернее, кричите ура!

– Ура!!! Ура!!! Ура!!!

«Неспроста Тиберий считал, что если отказаться от раздачи черни еды, вина и денег, то Римская держава рухнет. Слишком много *лишних людей* в империи наплодилось и накопилось! Бездельников, которые не пришей кобыле хвост! И это ещё *Онегин, добрый мой приятель*, Печорин, Бельтов, Рудин, Лаврецкий с Обломовым не народились! Ох, и споткнётся на таковых, как о порог, любое государство! Но...

туда ему и дорога... *после нас — хоть потоп!*», — вздыхая, однако нимало не огорчаясь, подумал Филипп Араб.

— Римская империя никогда не рухнет! — продолжал харизматически духариться и пассионарно хорохориться знаток-наушник: публика, правда, не поняла, к чему и в какой привязке он упомянул о *вечном житье-бытье* империи. — Я и мой государь будем укреплять её двойным... размером всего и вся! И по многу! Если Октавиан Август выдавал по килограмму хлеба двустам тысячам римлян, то я... и мой император начнём отпускать со складов по два килограмма в зубы четырёхстам тысячам граждан! Если прежний Август шесть раз пожертвовал голытьбе... эээ... бедноте... ну, и голытьбе тоже, по сто денариев, то мы с другом Филиппом выдадим двенадцать раз по двести! То есть казна опустеет не на сто тридцать миллионов денариев, а на все двести шестьдесят! Я и император — это сила!!! Я и Филипп — мы оба спасём Рим от преждевременного падения! Рим не падёт раньше, чем ему это уготовано временем! Я слишком много знаю и, если что, всегда моему императору подскажу! Он ведь сам — словно дитя малое и неразумное, а потому многого не ведаёт! Чем смогу, всегда ему помогу!

Наушник то ли сошёл с ума от безнаказанности, то ли попросту забыл о том, что *многия его знания — многия его же печали*. Или просто *отвлёкся и забылся*.

— Уймите этого мужчину! Он лиходей и супостат! — вполголоса повелел император личной охране, взбугрив свои

желваки. – Найдите лобное место, где его можно привести в чувство и быстро успокоить. До вечера тянуть не стоит! Желаящие пусть посмотрят, полюбуются – любознательных не разгонять! До завтра не все смогут вытерпеть, пусть у кого-то и сегодня случатся маленькие человеческие радости!

Стража прихватила наушника под белы руки и утащила его, орущего, как оглашенный, что «Волк меняет шкуру, а не натуру!», в ближайшую подворотню – с глаз государя долой. Вслед за стражей и *лиходеем-супостатом* увязалась целая процессия, пожелавшая насладиться зрелищем раньше, чем наступит завтра: любопытные, толпящиеся рядом с плахой или крестом для распятия – штука естественная и обыденная не только для Древнего Рима, но и во все времена и при любых нравах.

– Ну, теперь в курию Юлия! В сенат! – махнул рукой император. – Поехали! Проводник, води... эээ... не отставай!

И Филипп пришпорил коня.

В курию! К сенаторам! По делу! Срочно!

*«Сто мужей именитых
Императорской свиты,
Верно, здесь, в Нигитацу,
На ладьях отплывали...
Нам неведомы эти далёкие годы...»*
Ямабэ Акахито

«Как же ублажить эту свору собак... эээ... элитариев? Просто гаркнуть на них или сразу... пустить в расход? Гаркнуть – точно нельзя. Пугливые они, разбегутся кто куда по своим щелям и норам. Ищи их затем, свищи. И в расход нельзя – потом их костей не соберёшь, голосовать будет некому. А я хочу быть легитимным! Желаю, чтобы не только армия, но и весь сенат меня на царство помазал! Так сказать, всеримский Земский собор! Какие новые, но точные слова – Земский собор – *ах, как кружится голова!* Единогласие! Моя затея... эээ... моя идея!» – продвигаясь то впереди верного проводника, то вслед за ним к зданию сенатской курии, с упорством маньяка размышлял Филипп, вспоминая недавние наставления одного из своих более деликатных наушников, прежде тоже никогда в Риме не бывавшего, но человека

если не начитанного, то набравшегося и вершков, и корешков. *Нахвтанного*.

Что он там наговаривал?

Ах, да: мол, сенат как древний державный орган-институт то тайно, то явно, но до сих пор придерживается принципов, в последние годы республики озвученных и внедрённых в него ещё Помпеем, Цицероном и Катоном.

Что там ещё нашёптывал?

Ах, да: мол, сенат ни на шаг не отступал от этих принципов ни в периоды Цезаря или Октавиана Августа, ни при правлении иных Юлиев-Клавдиев, ни даже при Флавиях! Выдержал и эпохи просвещённого абсолютизма Траяна (однажды заявившего: *«Я теперь скупее стал в желаньях...»*) и прочих разных Антонинов, поначалу смирившихся с возрождённым из античного пепла стоицизмом, а затем, пусть и поневоле, воспринявших его не просто как данность, а как свою внутреннюю сущность: императоры и людей покоряли, и сами идеям покорялись.

...Римские сенаторы меж тем уже *спешно и вовсю* сбегались и слетались, как мошкара, в курию Юлия – место их постоянных сборов, голосований, обсуждений, осуждений, словоблудий, тусовок, посиделок, чаепитий, а порой и пьянок-гулянок, когда всех подкашивала хмельная сила.

Вот сейчас очередная заря пришла – все устремлялись ей навстречу.

Во время пробежки многие думали: «Надо немедленно

брать инициативу в свои руки везде, начиная с управления державой и кончая буфетом курии Юлия». Но чем ближе было здание сената, тем шустрее эти мысли покидали сенаторские головы. А внутри помещения – так вообще выветрились.

...Насмарку были думы. В зале заседаний осталась одна на всех: «Ты начальник – я дурак!»

Курия располагалась примерно на том же самом месте, где третий легендарный царь Рима Тулл Гостилий восемьсот лет назад построил самую первую, названную в его честь: курией Гостилия. Не сам, конечно, построил, не своими руками (для этого рабы и прочие подневольные *рукастые* работяги *под рукой* имелись: *рука* ведь – она *чья надо рука*!), зато *активно духовно наставлял*: убеждал всех в наличии «исконных скреп».

В I веке до нашей эры в период диктаторства Суллы курия Гостилия была реконструирована и в метраже расширена, получив при этом новое название – курия Корнелия: Сулла ведь был не просто Суллой, а Луцием Корнелием Суллой. И преномен, и номен, и когномен – всё было при нём, как подобает коренному римлянину-патрицию.

Последняя курия в результате то ли *гражданских*, то ли *внутригородских* войн, то ли вообще *понятийных* бандитских разборок патрицианско-нобилитетско-плебейской знати через тридцать лет после своего апгрейда сгорела: а все-

го-то-навсего чернь разожгла на Форуме рядом с курией прощальный погребальный костерок для одного из своих лидеров, погибших в ходе этих *войнушек*. Вот здание, прихватив с собой за компанию ещё часть Рима, в пламени и сгинуло.

Но, как выяснилось, не навсегда.

Двести лет назад Юлий Цезарь за десятки миллионов се-стерциев выкупил это место (если и не пепелище, то стопудово пожарище) вместе с большим участком прилегающей земли. Приобрёл, так сказать, в личную собственность. Устроил там первый в истории Рима императорский Форум и начал возводить для сенаторов новую курию – надеялся заслужить этим их благодарность и благосклонность. Но не тут-то было! Прогадал, не заслужил. Достроить не успел – его убили. Только и успел воскликнуть на прощание сакральное: «Et tu, Brute?» – «И ты, Брут?!» (а Брут тем временем и был таков).

Довёл здание до ума и с помпой открыл его, торжественно *перерезав красную ленточку*, лишь внучатый племянник Цезаря и его официально усыновлённый наследник – Октавиан Август. Однако курия всё одно звалась одноимённо – курией Юлия, ибо Октавиан Август, как и все поистине великие люди, не был тщеславен: скромность всегда украшала мужчину, тем более этого...

Впрочем, император Домициан к зданию тоже свою руку приложил – его перестраивал. Но для потомков – тоже безымянно в названии.

Вот сюда-то сенаторы и *поспешали*. Кто-то даже *не торопясь*.

Коли сидючи, поместиться в курии могло три сотни важных *особ и тел* (что, впрочем, было одним и тем же); а если стоя, как и положено стоикам, то помещение можно было набить ещё таким же числом правящего имперского класса. Ну, если не правящего, то синекурного.

...Надвигались великие события.

Сенатские хитросплетения

*«Когда бы вишни дивные цветы
Средь распростёртых гор всегда благоухали
День изо дня,
Такой большой любви,
Такой тоски, наверно, мы б не знали!...»*
Ямабэ Акахито

Филипп Араб не с луны свалился и (после наущничаний советников) знал, что один римский сенатор не только по весу и росту, но и по своему правовому статусу отнюдь не равен другому, а второй – третьему: сенат многослоен, как пирог у северных и северо-восточных варваров, а меж сенаторами всюду процветают *дедовщина, годковищина и землячество*, не говоря уже о коррупции и борьбе за статус, за спецсинекурки и прочие места под солнцем и луной.

Самыми-пресамыми *взбитыми сливками*, можно сказать, сметаной, а то и сливочным маслом, в сенаторской пирамиде по праву считались экс-цензоры и консуляры-проконсулы (это, во-первых, бывшие первые и вторые консулы: каждый годичный отрезок времени консулов в Риме для подстраховки должно было быть двое; а, во-вторых, бывшие консулы-суффекты – этих выбирали, если один из двух оригиналь-

ных ординарных консулов по какой-то причине из игры выбывал: всякое бренное тело не вечно...)

Впрочем, о существовании цензоров за минувшие век-полтора все уже изрядно подзабыли: когда-то, после краха республики, их функции *лёгким движением руки* перетянули на себя первые императоры-принцепсы, а потом статусы сии... словно повымерли – *пропали, будто вовсе не бывали*. Последним пожизненным цензором был, кажется, император Домициан из династии Флавиев, и было это сто пятьдесят лет назад. А теперь... теперь... *Мисюсь, где ты?* Туман. Дымка. Нет никакой *Мисюси-нуси*...

Первыми консулами уже почти двести лет подряд тоже предпочитали становиться сами императоры, причём многократно, ежегодно, пожизненно, хотя чин издревле положено было носить (не в кармане, но как штандарт – над головой) лишь по двенадцать месяцев. Другое дело, что не всегда у императоров «пожизненность» задавалась: то перевороты, то смутные времена, то междоусобицы, то междоцарствия, то понос, то золотуха, то *скромность мужчину украшала*.

Сейчас в сенате заседало несколько прежних консулов-неимператоров – и тех, кто был первым, и тех, кто побывал вторым: Пий, Понтиан, Атик, Помпеян, Арриан, Пап, Претекстат. Все мужчины знатные и деликатные, но с амбициями и со своими тараканами в головах.

Второй эшелон сенаторов представляли претории (быв-

шие преторы-судьи), трибунииции (бывшие народные трибуны), эдилиции (бывшие эдилы: городские хозяйственники, державные снабженцы, *проверяльщики, контролёры и надзорищики*) и квестории (бывшие квесторы: бывшие помощники бывших консулов).

Нижний слой сенаторов – педарии – те, кто никогда не был магистратом, то есть совсем не состоял на государственной службе, но каким-то боком в сенат прошмыгнул, пронырнул или просочился: по блату ли, мытьём ли, катаньем, или просто мешок денег кому-то занёс. Короче, это была *грязь под ногтями* у верхнего эшелона. Этим положено было вечно молчать в тряпочку и в знак согласия кивать головами, как китайские болванчики, а то ведь и на улицу могли прогнать: получать всё интересное из первых уст и рук станет невозможно! Однако это была такая *грязь*, которая из своей среды выпускала порой не только пузыри, но и крутых князей. Настолько крутых, что, *мама, не горюй!*

В каждом из сенаторских слоёв-каст были собственные *слои-подкасты*, которые в свою очередь сегментировались на ещё более мелкие: стоит только быстро-быстро пошинковать (*вжик-вжик-вжик...*)

Император миновал портик с белоснежными мраморными колоннами.

Створки массивных металлических ворот построенной из красного кирпича курии, будто бы сами собой, раствори-

лись, и новый владыка Рима в сопровождении группы верных варваров-телохранителей с тёмными непроницаемыми лицами и кривыми ногами шагнул внутрь помещения: помнил о судьбе Юлия Цезаря – во-первых, нельзя входить к сенаторам в одиночку, ибо курия была самой настоящей клеткой со львами, волками и гиенами, пусть и худо-бедно *прирученными*, а во-вторых, даже под туникой и тогой пурпуноносной вип-персоны должна была обязательно быть *пододета* защитная металлическая оболочка. Мощный каркас. Панцирь, латы или кольчужка. Бронь, одним словом. Доспех.

Железо или сталь под одеждой – вот она, гарантия долгой и счастливой жизни для всякого авторитарного или тиранического правителя.

Стражи императорского тела плотным кружком следовали подле своего властителя, словно *слепцы за поводырём или как железные опилки за магнитом*. Куда иголка – туда нитка, вернее, их клубок. Тоже своего рода образ. Пусть и банальный.

«Чего-то на фасаде здания не хватает, – зашуршало в голове императора. – Ну, точно: недостаёт мрамора! Надо облицевать всю курию лучшим арабским мрамором... или итальянским?... да-да, лучше итальянским, он нынче в моде, в тренде и в мейнстриме даже в песках моей Аравии! Да, точно, пусть мрамор будет итальянским, ведь у меня на родине его не добывают! Облицевать курию! Непременно завтра же этим делом и займусь. Организую! А не то кто-нибудь из бу-

дущих императоров умыкнёт мою авторскую затею... эээ... идею! Надо поторопиться, пока никто не догадался... до этого додуматься».

В курии приятно пахло... чем?.. Филипп никак не мог отыскать в памяти определение запаха, а потому порешил, что это... ладан или мирра. В крайнем случае – фимиам или... елей. В ещё более крайнем – аромат бахура и абсурда.

Правящий класс тоже у ног Филиппа Араба

*«С далёких, далёких времён
Сохранилась престарая эта плотина.
Много лет ей минуло,
И берег пруда
Сплошь покрылся густою болотной тиной ...»*
Ямабэ Акахито

С царским достоинством вышагивая по пёстрой мраморной напольной плитке, изузоренной парой-тройкой повторяющихся орнаментов, Филипп через *живой коридор* (многим хоть одним глазком хотелось первыми взглянуть на нового государя, а ещё лучше до него дотронуться) следовал в конец зала – туда, где возвышалось изваяние Богини победы. Император шёл меж рядов и видел как юные пышущие здоровьем, так и дряблые морщинистые лбы, щёки и подбородки.

По выражению лица самого владыки Рима трудно было догадаться, весел он был, печален, равнодушен ко всему или зол. Филипп напустил на себя нарочито каменный вид и выражение.

Круг телохранителей, доказывая собственную необходимость, значимость и незаменимость для императорского ту-

ловища, извивался вокруг своего властителя, как только мог, иногда принимая форму то эллипса, то овалов Кассини, то овалов Декарта (да-да, ни Кассини, ни Декарта природа-мать ещё не породила, а их овалы правили уже если не миром, то целым разделом математики), а то и других геометрических фигур.

По весьма достоверным слухам (народ почём зря врать не станет), статуя Богини Победы когда-то в далёкой древности была изваяна руками греков, а, следовательно, изначально звалась Никой. Коротко, просто и для всех эллинов ясно. Но, будучи в качестве трофея привезённой Октавианом Августом в Рим из Тарента, получила законное ромейское имя Виктории. Так сказать, обрела своё лицо, нашла себя и истинное призвание в жизни. Это вовсе не означало, что историю кто-то невзначай или нарочито подправил, переписал или сфальсифицировал – просто у каждого времени и государства были, есть и будут свои собственные не только герои или... безбожники, но и Боги. Патриотизм как противовес либерализму рулил и был на марше во все времена, хотя и не при всех нравах.

«Богиня Победы! Моей победы! Это знак свыше! Да что там знак – целое предзнаменование!» – уверился и уверовал Филипп Араб, во весь рост становясь рядом и вровень с мраморной скульптурой. На одну ступеньку с Богиней... со всеми Богами чохом!

«Надо бы достроить... поднастроить... донадстроить...

дополнительных ступенек, тогда стану и встану ещё выше!» – в линию спрямил свою мысль император, припоминая мутную байку о Вавилонской башне, сохранившуюся с давних времен как письменное свидетельство и наследие некогда отправленного на крест Галилеянина, чья популярность, впрочем, в римской державе с тех пор лишь росла (*не по дням, а по часам*).

Переносные раскладные сенаторские кресла, больше похожие на стульчики, были расставлены лицом к центральному входу. Получалось, что величественная статуя Виктории высилась не впереди, а позади спинок курульных сидений, а её мёртвый каменный взор упирался прямо в живые затылки смертных (своего рода *президиум наоборот*).

Как только Филипп оказался рядом с Викторией, всему знатному народу пришлось развернуться их корпусами на сто восемьдесят градусов. А тем, кто ещё сидел – подняться на ноги, несмотря на старость и полуразложившуюся дряхлость (основная масса молодых и здоровых почтительно вскочила уже прежде – тогда, когда фигура императора только показалась в дверях помещения).

Развернуться в любом случае пришлось всем, хотя бы вполоборота.

Никаких исключений из правил римский дворцовый этикет не допускал.

Филипп Араб с торжествующим видом, но с доброжела-

тельной улыбкой на губах оглядел зал. Пространство было разделено на три части. Справа и слева – сенаторские сиденья, плотнячком расставленные на трёх широких и низких ступеньках (те самые три яруса).

«Президиум», в котором сейчас находился император, представлял из себя просторный подиум, где рядом с Богиней Викторией стояли почётные кресла для действующих державных чиновников-высших магистратов. Но сейчас все они были пустыми: магистраты или скромничали, или, во избежание неприятностей, не хотели ни себя, ни свои груди выпячивать – в пекло поперёк императора не совались. Не светились.

В кресла магистратов один за другим стали рассаживаться смуглые и кривоногие телохранители Филиппа: поначалу боязливо и будто стесняясь, а потом – словно с цепи сорвались, почувствовав молчаливое одобрение своего и всеримского хозяина.

За спинами императора и изваяния Богини скрывалась пара запасных выходов. Но эти двери были заперты сейчас на засов: вряд ли они сегодня пригодятся...

Филипп обратил на эти заблокированные выходы внимание, а его охрана их почему-то *профессионально* проигнорировала: каждый *цепной пёс самодержавия* уже мыслил себя не простым *стражем туловища*, а державным деятелем со стремительной и блестящей карьерой и с сотнями снующих туда-сюда подчинённых.

Один из сенаторов оказался самым ловким и проворным, а потому сумел прорваться к телу первым и кинуться в ноги, восклицая при этом совсем другое:

– *Без всякой лести целую руки вашей чести.*

И облобызал ступни.

Император оживился, но тут пришли в себя и спохватились телохранители.

Ловкача от туловища отеснили и из курии вывели.

Чьи заслуги «заслужистее»?

«Когда она меня спросила:

"Не жемчуг ли сверкает на траве?" —

Тогда в ответ сказать бы сразу мне,

Что это лишь роса, —

И с той росой исчезнуть...»

Ямабэ Акахито

Филипп огляделся.

Сенаторские лица и их фигуры владыку Рима не впечатлили. Его резко поскучевший взгляд стал попеременно падать то на столбы-пилястры, словно мощной рукой Атланта *вдавленные* в четыре угла (внутри одной из пилястр была лестница, ведущая на крышу), то на трёхъярусные ряды сенаторских кресел, то на три больших окна курии, то на высоченный потолок (благодаря которому акустика преобразовывала любой неожиданный звук, возникающий в тишине из ниоткуда, в мелкую дрожь, с непривычки рябью прокатывающуюся по всему телу Филиппа – мурашки по коже, как от постороннего зубовного скрежета).

Взор римского властителя прогулялся по правой и левой сторонам стен, где в тени ниш укрывались скульптуры Богов, героев и прежних императоров, не развенчанных наследниками и не *преданных проклятию памяти*. Края углублений

были обрамлены колоннами на консолях. Что за *ордер* был у *окультуренных столбов*, император не разобрал.

«Хотелось бы, чтобы коринфский. Впрочем, и ионический с дорическим сойдут! На безрыбье и рак – щука!» – вяло и не к месту подумал властитель Рима.

...В «президиуме» тем временем уже по-хозяйски расселись Филипповы телохранители. Вальяжно позакидывали ногу на ногу. Ни одного свободного места не осталось. Кому-то пришлось даже обидеться, не показывая при этом вида, хотя устроить публичный скандал соратникам ох как хотелось!

Филипп Араб в который раз за день выпрямил спину, втянул живот, выпятил грудь и расправил плечи – свои он считал накачанными похлеще, чем у любого римского легионера или действующего гладиатора. И на всякий случай заявил, то ли гордо *пуще прежнего* подняв голову, то ли высокомерно задрал к потолку нос:

– Любая критика императора в столь трудное для страны время – это особо тяжкое преступление! Тяжелейшее! Тяжелей не бывает! Нет у прилагательного в латыни такой сравнительной степени, которая если уж не зеркально, то адекватно могла бы отразить эту «тяжелейшесть»!

– Время не трудное, а счастливое – мы же вас лицезреем! Вот не созерцали бы, было бы трудным! – нашёлся один из сенаторов (Филипп не всех мог идентифицировать в лицо, а

вернее – почти никого, но этого *первопроходца* на будущее постарался запомнить).

Тем не менее Араб изобразил хмурость и оборвал то ли строптивца, то ли, напротив, лизоблюда:

– Любое время трудное... эээ... я хотел сказать, что сейчас оно, разумеется, для всех вас радостное, но критиковать и хулить своего императора запрещено во всякие периоды! Тем более в счастливые! Август священен и неприкосновенен даже словом!

Критиковать и тем более хулить, впрочем, никто и не намеревался: *натворить делов* в Риме Филипп ещё не успел, а потому смертельных или заклятых врагов себе не нажил (а те из сенаторов, кто императорами не стал, но о диадеме и пурпуре грезил, являлись всего лишь чёрными или, на крайний случай, только белыми завистниками).

– Мёртвые... – обозначил начало своей мысли император, но на миг задумался и не успел облечь её в завершённую и совершенную словесную оболочку.

– ... *сраму не имеют?* – словно подсказал властителю Рима разговорчивый, но не идентифицированный сенатор.

– Мёртвые достойны если не славы и симпатии, то уважения! – взял октавой выше император. – Отныне и навсегда мой предшественник Marcus Antonius Gordianus, а попросту Гордиан III, подобно своему деду Гордиану I и дяде Гордиану II, уже прежде обожествлённым, тоже назначается Богом!

– Ave! Ave! Ave! – послышалось со всех сторон. – Мы как

знали! Мы предвидели! Мы не ошиблись в гипотезах, расчётах и прогнозах, когда своим решением обожествили двух прежних Гордианов! Слава всем Гордианам разом! В Пантеон их всех!!! На подиумы! На пьедесталы! На... столбы! И Гордиана III – туда же! Мы все – за! *Один – за всех, и все – за одного!*

Неожиданно языки правящей элиты развязались, и завязался диспут на тему, кто же был автором столь гениальной идеи обожествления двух предыдущих Гордианов. Сначала спор был *умеренным и аккуратным*, размеренным и спокойным, а потом суть да дело – и чуть до драки не дошло. Каждый сенатор (за исключением той *грязи под ногтями*, кому слова не полагалось, ибо в князи она ещё не выбилась) выпячивал свою грудь и роль, принижал значимость соседа и, в конце концов забывшись, где и по какой причине находится, безо всяких обиняков и экивоков славил уже исключительно себя.

«А мне? Где мне “слава”? Почему мои заслуги никто не оценил и публично не отметил? Если я скромный парень, то это вовсе не значит, что я не *Величайший!* – закололо ревностью внутри у Филиппа, но он взял свои чувства в собственные же руки, *обув* их по ходу дела в *ежовые рукавицы*. – Я уже дважды... нет, трижды Maximus: *Величайший!* А буду – четырежды! Нет, *многожды!*»

– Богом! Я назначаю, а вы утверждаете Гордиана III Богом! – *взбуривая* желваки, со злобой в голосе повторил им-

ператор добрые слова о своём предшественнике и, подумав, уточнил. – Но не Юпитером! Кивайте активно! Ещё активней!!!

– Ave! Ave! Ave!!!

Где же все императорские инсигнации?

«К заливу Таго

Я выйду и словно бы вижу:

О, белотканый —

Над высокой вершиной Фудзи

Падает, падает снег...»

Ямабэ Акахито

Филипп Араб обвёл глазами просторный зал и подумал: «Чего-то тут не хватает! Всё как будто есть, но чего-то не хватает! А если не хватает, то и курия уже не курия, а обычная забегаловка для черни».

Он не смог себя удержать, и из его гортани само собой вырвалось:

— Где мой трон? Мне срочно надо сесть! Присесть! И не просто присесть, а воссесть на престол!

Воцарилась тишина: сенаторы опасливо смолчали, поглядывая кто друг на друга, кто в потолок или в окна, кто в ниши на затенённые мраморные изваяния, а кто для вящей убедительности, чтобы не ошибиться, вообще потупил глаза долу.

Пауза затягивалась: надо было ловить момент — *ковать железо*, спасти и сенат, и положение, *пока горячо*. Вернее,

пока просто тепло и обстановка не раскалилась добела.

– Да вон же он! Вы мимо него прошли, не заметив, как слона! – указывая перстом на скромное креслице, расположенное в противоположном от Виктории конце зала (прямо у центрального входа), осмелился высказаться Луций Анний Арриан, в прошлом году побывавший первым ординарным консулом, а потому не *тварь дрожащая*, а *право имеющий*, хоть незаменимых и неприкосновенных в Риме отродясь не было.

– Какой же это трон?! – дёрнулся император, скривил рот, нахмурился и возвысил голос до самых сводов курии. – Ааа! Какой же это трон, я спрашиваю?! Ах, ты, такой-сякой! Да ты издеваешься надо мной, стервец! Хочешь унижить своего государя? Развенчать культ моей личности? Это не трон, а какая-то табуретка без спинки. Походный раскладной стульчик! А я ведь с добром ко всем вам явился! Эх, вы! У меня ведь и в мыслях не было кого-то из вас на кре... на плаху отправить или ваши головы от тел поотделять...

– Это не табуретка. И не стульчик! – осмелился вступить за римскую святыню Гай Цервоний Пап, занимавший в том же, прошлом, году должность второго ординарного консула (одна шайка-лейка). – Это самое настоящее и оригинальное курульное кресло. Подлинник! Оригинал! И спинка на нём имеется! Приглядитесь-ка повнимательней! Можно откинуться... ну, в смысле: на спинку – спиной, поясницей, хребтиной, а не копытами... и не ступнями! И отдохнуть от

трудов праведных.

– Это не спинка, а какая-то доска-распорка! – не сдавался Филипп Араб, подозрительно созерцая блёклый и непрезентабельный предмет мебели.

– Вы только ещё разок всмотритесь, о, владыка Рима! Вперьте в сиденье свой зоркий и не ангажированный взгляд! На нём же тройной слой позолоты! Лишь за три скребка соскрести возможно! Качество высочайшее! Римское! – Пап словно профессионально занялся проведением тренинга-ликбеза. – Курульное кресло – оно и есть как трон. И даже лучше! Одно с успехом заменяет другое. А функционал у обеих сущностей вообще одинаков – под пятую точку! Чтобы не искать правды в ногах...

– А где же полностью золотой престол? Который большой и роскошный! Или, на худой конец, бронзовый с тройной позолотой? Где? Куда он подевался? Украли, пока я в Риме отсутствовал?

– А вы отсутствовали? – чуть не выпал в осадок Пап.

– Ну, не присутствовал же!.. Где престол, я вас спрашиваю?!

– Какой ещё престол? Тот, который был у шести легендарных римских царей?

– Да!.. эээ... а какие у них были троны?

– Из слоновой кости! С ножками в виде мощных звериных лап. Сидение и спинка тоже на темы животного мира изузоривались. Хищниками! Преимущественно львами! Ну, бы-

вало, что и волками, а порой и... птичками-невеличками... У шестёрки царей Рима и в Храмах Богов стояли однотипные престолы. Одного поля ягоды.

– Вот и я такой хочу! Вносите!

– С тех пор, как с треском обрушилась и завершилась древняя царская эпоха, троны как класс из нашего обхода исчезли. Есть версия (не побоюсь её высказать), что наши римские цари были не коренными римлянами, а приبلудными этрусками, – пустился в философские разглагольствования седовласый Пап. – Авторитарной культуре именно этого рода-племени был присущ атрибут «трона» или «престола». А когда царей свергли, ушли в небытие и троны. Сгинули и этруски, растворившись в общеримском этносе. Так что престолов римским... правителям не полагается... Царей нет, но остались принципы... эээ... принцепсы! Первые среди равных!.. или... или... или вы не истинный римлянин?

Филипп Араб скрежетнул и щёлкнул зубами, как голодный волк или лев, но сдержался, никого до поры до времени не съел – повёл себя, как подобает птичке-невеличке из разряда новичков:

– А равные – это кто, стесняюсь спросить?

– Не надо стесняться, государь! Тут все свои! И все хоть и свободные граждане, но ваши верные подданные! Спрашивайте, чего хотели!

– Тогда не стесняюсь и любопытствую: кто тут среди вас... равные?

– Все сенаторы! – безо всякого стыда и смущения рубанул Пап. – А вы среди них... среди нас... первый!

«Наглец! Первый ты... парень на деревне... эээ... первый в очереди на заклание. Жертвенный ягнёнок! Овца!!! Позор на твою седую голову! Срам!» – внутренне разнервничался Филипп Араб, на заметку Папа взял, но вслух о его печальной участи опять пока не высказался.

– Можно, однако, изменить традицию. Даже не изменить и не подправить, а... вернуться к исконной! – бросился развивать свою мысль Гай Цервоний Пап. – К нашим истокам! К Конституции и конституционной монархии... эээ, оговорился... не к севрюжине с хреном, а к просвещённому абсолютизму! К Ромулу, к Нуме Помпилию, к Туллу Гостилию, к Анку Марцию, к Луцию Тарквинию Приску, к Сервию Туллию, к Луцию Торквинию Гордому! Всем настоящим царям полагались и нынче полагаются троны. А вы-то государь самый что ни на есть настоящий! Подлинный и оригинальный! Без сучка, без задоринки! Без червоточины! *Чего изволите?* Хотя... вот на этом самом креслице и Гай Юлий Цезарь, и Октавиан Август посиживали. Умещались. Не гнушались. Их пятым точкам было там уютно, комфортно и тепло...

– Стоп! Не надо меня убеждать! Я человек с понятиями! Коли не полагается золотых тронов, так и не полагается. Я чту наши устои! Я даже *пешиком могу постоять!* Садитесь! Всем сесть, я сказал! – гаркнул Филипп, а затем как будто

поправился. – Присяжьте, господа сенаторы, в ногах правды нет...

Император остановил свою речь и подумал: «Вы все у меня когда-нибудь да сядете! Не сейчас, так вовремя... В своё время и в свой час... *Всему свой черёд*».

– О Божественный император! – крикнув и придерживая руками поясницу, чтобы она не сломалась, склонился в *варварском* земном поклоне седовласый Пап. – Мы все, как один, хотим скинуться денежкой и заказать такой трон, который удовлетворит самому изысканному и взыскательному вкусу. Вашему вкусу! Других вкусов мы ни у себя не держим, ни лучшим мастерам не заказываем!

«А ведь он не столь плох, каким мог бы оказаться, если бы я с ходу, не раздумывая, резким решением и поступком последовал за своими первыми отрицательными эмоциями. Каждому сенатору надо предоставлять второй шанс! А иногда, возможно, и третий! *А четвёртому не бывать!*» – подумал Филипп, но вслух внушительно заявил:

– Впредь, зарубите это себе на носу, никакого панибратства я больше не потерплю! Я уважать себя заставлю и лучше выдумать не смогу!

Мечты, мечты... где ваша сладость?

«Всё дальше милая страна,

Что я оставил...

Чем дальше, тем желаннее она,

И с завистью смотрю, как белая волна

Бежит назад к оставленному краю ...»

Ямабэ Акахито

– Каким вы лично представляете себе престол, на который с радостью опустилась бы ваша Божественная императорская точка? – с одной стороны, с трудом разогнувшись, а с другой, сам *усевшись на нового конька*, сенатор Гай Цервоний Пап теперь уже не хотел с него слезать. – Каков ваш *образ будущего*? В грядущее надо смотреть без боязни! Юпитер не выдаст – свинья не съест!

– Что ещё за точка? – приподнял брови вверх император.

– Пятая, разумеется. Другие на трон не опускаются...

Проникнувшись уточнением, Филипп расслабился, закрыл глаза и стал будить свою фантазию так, чтобы в мечтах получить удовольствие:

– Хочу, чтобы перед троном стояло и было частью самого престола бронзовое... нет, золотое... нет, платиновое...

ну, в крайнем случае позолоченное дерево, на ветвях которого сидели бы птицы разных отрядов, семейств и видов. Тоже бронзовые... нет, золотые... ну, на самый крайняк, в три слоя позолоченные. И чтобы все пернатые были певчими. Чтобы они в золочёной листве кишмя кишели. Чтобы пели, щебетали, восхваляя меня, разными голосами. Высокими и низкими – басами, баритонами и тенорами, но, пожалуйста, без фальцетов. Каждая птица – на свой лад и соответственно своему рангу в отряде, семействе и виде. И чтобы особо наяривали павлины – эти пусть под деревьями чинно-благородно прогуливаются, иногда приплясывают, хвосты веерами распустив. Нечего им по веткам скакать, словно древние укры из Шумерии! И чтобы общий щебет стоял на весь зал! На всю округу! На всю Ивановскую! Хоровое пение! Чтобы трон мой охраняли грандиозных размеров бронзовые... нет, золотые... ну, в крайнем случае в пять слоёв позолоченные лвы, которые при нажатии тайной кнопки били бы хвостами о землю, расхабаливали бы пасти, скалили клыки и зубы, высовывали свои длинные языки и грозно бы рычали! Ух! Так, чтобы мороз по коже!!! Брр! Чтобы сам престол мог менять свою форму: длину, ширину и высоту. Ну, пусть и окраску! Чтобы при необходимости он мог взмывать ввысь, воспарять в небеса... ах, эта романтика!.. ну, если не к облакам, то хотя бы к потолку, откуда я мог бы, словно Бог, с загадочной, но доброй и всезнающей ухмылкой взирать на сенаторов, послов, на своих придворных, на прочих проси-

телей и посетителей. Чтобы для такой надобности тоже были соответствующие кнопки. Целая панель кнопок... в три слоя и ряда! Чтобы поднявшись вверх, я успевал незаметно переодеться – облачиться в иную тогу, а то и тунику, чтобы опуститься затем уже в ином наряде. Нижнее белье успевать менять не обязательно, да и не ношу я его – не считать же нижним бельём набедренную повязку или вторую тунику под первой!.. Снова – раз! – и вверх за новым облачением! Два – и опять вниз! Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз! *Ту-да-сюда, как на качелях*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.